

СЛАВНЫЕ СЫНЫ АЛТАЯ «О чем рассказал архив»

Уважаемые читатели журнала «Барнаул», предлагаю вашему вниманию небольшую главу из документальной повести моего отца Германа Адриановича Топорова «О чем рассказал архив» (понятно, почему так названа эта повесть). Она не была включена в книгу моего деда Адриана Митрофановича Топорова «Крестьяне о писателях», которую можно увидеть лишь в фондах редкой книги. В ней он собрал отзывы крестьян из коммуны «Майское утро», что близ Барнаула, на произведения мировой классики и советских писателей, которые читал им в помещении местной школы в течение 12 лет. В свое время М. Горький писал из Сорренто, что читал эту книгу, «захлебываясь от восторга». Из Лозанны тогда же прислал восторженное письмо известный русский библиограф, руководитель Международного библиотечного института Н. Рубакин. Среди почитателей таланта автора можно назвать К. Чуковского, А. Твардовского, М. Исаковского, В. Сухомлинского, А. Луначарского, С. Залыгина и других. Книга «Крестьяне о писателях» вызвала значительный интерес читающей публики в США, Польше, Австралии, Швейцарии и Германии.

Но в книгу А. М. Топорова вошла примерно треть собранных им высказываний. Почти все остальное погибло в страшные военные годы. И это стало громадным душевным потрясением для автора. Пытаясь восстановить утраченное, он долгое время настойчиво занимался поиском своих рукописей, в разное время переданных им в периодические издания СССР. Очевидно, таким образом и вернулись к нему рукописи высказываний коммунаров о произведениях Вячеслава Шишкова. Опубликовать их Адриан Митрофанович не успел – в 1984 году он скончался.

...Почти через 25 лет эти рукописи я обнаружил в Государственном архиве Николаевской области, что находится в Украине (часть их я и предлагаю вашему вниманию).

Эту публикацию я прошу предварить статьей на названную книгу замечательного русского писателя и известного общественного деятеля Сергея Павловича Залыгина, бывшего главного редактора журнала «Новый мир». Он и мой дед познакомились в одном из книжных магазинов Барнаула в 20-х годах прошлого века, где маленький Сережа помогал своему отцу торговать литературой, а одним из завсегдатаев того магазина был молодой сельский учитель, признанный тогда лучшим селькором Сибири, Адриан Топоров – впоследствии известный писатель и общественный деятель. В декабре 2008 года С. П. Залыгину исполнилось бы 95 лет. В июле 2009 года исполнится 25 лет, как не стало А. М. Топорова.

Всего вам самого доброго, с глубочайшим уважением к вам

Игорь Топоров

Второе рождение необыкновенной книги

Это удивительная книга. Держишь ее в руках как драгоценность, как кладезь человеческих ценностей, как памятник. Вся ее история – совершенно реальные факты и приметы нашей жизни, переплелись здесь так, словно кто-то задался целью удивить и поразить вас.

Учитель А. М. Топоров в коммуне «Майское утро», что близ Барнаула, многие годы проводил с крестьянами чтение художественной литературы и записывал все, что говорилось затем при обсуждении прочитанного. В конце двадцатых годов он начал публикацию своих записей, а в тридцатые годы выпустил их отдельной книгой «Крестьяне о писателях». Она получила горячую поддержку М. Горького, В. Вересаева, Б. Горбатова, Н. Рубакина и многих других писателей и ученых, она вызвала живейший интерес в США,

Германии, Польше, Швейцарии, вокруг нее шли споры. Потом книга и ее автор были как-то забыты. Нельзя себе представить, чтобы она была забыта навсегда – рано или поздно о ней, конечно, вспомнили бы. Однако одно событие сразу же вызвало к новой жизни эту книгу, послужило поводом для второго ее рождения. Это событие – полет в космос Германа Титова.

Лишь только биографы космонавта № 2 коснулись своего «материала», они сразу же отметили необыкновенную начитанность Германа, его любовь к поэзии, к художественной литературе в целом. Эта любовь у него – от отца, Степана Павловича Титова, сельского учителя. А у отца – от другого учителя – Адриана Митрофановича Топорова.

Топоров уже давно жил в Николаеве, на Украине. Возраст не помешал ему сохранить энергию, замыслы, старые привязанности к Сибири, к своим ученикам, новые надежды. Одной из этих надежд, конечно же, было переиздание книги «Крестьяне о писателях».

Хорошо, когда надежды совпадают с требованиями самой жизни, с духом нового времени. Новосибирское издательство выпустило эту книгу. «Второе, дополненное и переработанное издание», – читаем мы на титульном листе. – 1963 год». Я бы сказал еще – творчески дополненное и тоже творчески, с большой любовью, с глубоким пониманием всего значения дела переработанное издание!

В основе книги, разумеется, остался тот же материал: высказывания крестьян о произведениях художественной советской прозы и поэзии двадцатых годов (из классиков включен только Пушкин). Затем следуют необычайно меткие, точные и очень краткие характеристики участников этих чтений, сделанные Топоровым.

Кроме этого главного материала издатели ввели в книгу еще целый ряд новых и не менее интересных вещей: предисловие журналиста П. Стырова, опубликованную в газете «Известия ЦИК» 7 ноября 1928 года корреспонденцию широко известного в то время журналиста А. Аграновского, посетившего коммуны «Майское утро», статью С. П. Титова о своем учителе А. М. Топорове, рассказ самого Топорова «О первом опыте крестьянской критики художественных произведений», письма писателей к Топорову, преимущественно тех, чьи произведения обсуждались в «Майском утре»...

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что книга эта интересна не только сама по себе – она расширяет наши представления о том, как вообще может делаться настоящая книга. Об этом нельзя не подумать, держа книгу в руках, любуясь ее замыслом и исполнением.

Раскроем книгу, к примеру, на 124-й странице: А. Неверов. «Ташкент - город хлебный». (Читано с 20 по 22 марта 1927 года.)

Коммунар Зубков П. С.: «Придраться тут не к чему. Нужно человеку быть без сердца, чтобы не почувствовать всего, что написано в этой книге. Проще и лучше этого не напишешь».

Блинов И. Е.: «Напиши ты, пожалуйста, чтобы все писатели так для деревни писали. Тогда их интереснее будет и читать. Так и скажи: мужики говорят, что, может быть, многие нынешние писатели хороши, но ни к чему они. Скажи, что непонятны они, резону в них мало. Не по вкусу они деревне. Вот Лидию и Катаев – хорошие. Ну а уж лучше Неверова, поди, и не сыскать. Этот «Ташкент» узлом перекрутит хоть какого упорного человека».

Титова А. И.: «Сколько муки Мишка принял... Малой он был шибко. Я думаю, эта книга и старого, и малого проткнет наскрозь. Малому трехлетнему ребенку расскажи ее, и тот поймет, куда что гласит. Который ребенок только что начнет говорить, и тот, расскажи ему, поймет».

И вот таких, пусть иногда чересчур категоричных, но умных, самобытных суждений о творчестве писателей не счесть в этой замечательной книге.

А теперь узнаем, кто же они, эти «белинские в лаптях», как назвал их в двадцать восьмом году журналист Аграновский. Характеристики дал им А. М. Топоров предельно краткие, выразительные, какие можно дать человеку не по первому впечатлению, а только после того, как съешь с ним пуд соли, годы проведешь вместе за работой. Вот только две из

них:

«Зубков П. С. 35 лет. Сын крестьянина-середняка. Окончил церковноприходскую школу. В 1920 году – один из организаторов «Майского утра». До 1929 года – почти бессменный ее руководитель. Член партии. Редкий самородок. Талантлив во всех отношениях. Незаурядный организатор».

«Железникова Т. Ф. 31 год. До вступления в коммуны много странствовала по свету – жила на заводах, в батрачках. В «Майском утра» с 1923 года. Здесь же обучена грамоте. Доярка. Правдива, до щепетильности честна. Режет правду в глаза. Бесстрашный обличитель всех коммунальных беспорядков. Остра на глаз и на язык».

Из этой необычной, любовно составленной книги можно узнать и о том, как писатели отнеслись к критике своих произведений крестьянами, к начинаниям Топорова, и о том, как нелегко было замечательному учителю вызвать крестьян на откровенность: «Не нам судить о книгах. Мы не ученые ... над нашими словами будут смеяться...»

Можно почувствовать жизнь коммуны «Майское утро» тех лет. Можно обратиться к портрету Г. С. Титова. В дни работы XXII съезда КПСС Герман Титов встретился со своим «духовным дедушкой» – А. М. Топоровым. Позже в честь этой встречи, которая произошла в редакции газеты «Известия», космонавт № 2 написал на памятной фотографии: «Дорогой Адриан Митрофанович! Встречу в «Известиях» я запомню на всю жизнь, потому что всю свою сознательную жизнь я о Вас слышал, а вот свидеться довелось впервые. Примите низкий поклон».

Да, эта книга – явление в советской литературе. Уже не те крестьяне в Сибири, на родине космонавта, не те у них суждения о литературе, что были в двадцатых годах, – а книга о них не только не умирает, а обновляется, рождается вновь.

Сергей Залыгин.

О книге рассказов Вячеслава Шишкова «Диво-дивное» (читаны 3–26 января 1927 года)

Носова А. С.: «Настюха» правдоподобна. Так может быть».

Зубков П. С.: «Бывает так, наверно, но я не видел. А «Эшелон» – верная штука. Так бывает, видел я».

Корляков М. Ф.: «Слишком преувеличено в «Эшелоне» все. Спросить наших женщин: могут они так бежать за солдатами, как у Шишкова изображено?»

Шитиков Д. С.: «У нас красноармейцев не было. Не знают этого наши бабы».

Зубков М. А.: «Ничего это не значит, что с десятков баб убегут за солдатами – за чужими. Бегают – мое почтение! Может быть это».

Стекачев И. А.: «Нет, так в вагон баб не таскают, как у Шишкова. Не верно».

Шульгин Т. И. (возражает): «Еще под задницу коленом суют. Да еще как!»

Зубков П. С.: «В Новониколаевске я видал: австрийцев провожали. Бабы подушки тащили за ними, горшки, варенье, кошек и всякую пакость. Хоть куда за ними перлись».

Блинов Е. С.: «Верю во все, что написано!»

Стекачев И. А.: «Сбрехнул немножко писатель».

Джейкало Ф. Ф.: «Есть правда, есть и брехня. Но распотешно выходит у него».

Корляков И. Ф.: «Матрос, что за границей был, глуп шибко. Слова ученые коверкает. Придумал это писатель».

Носова М. М.: «Шибко несоответственно матрос выворачивает слова. Шибко насмешить всех старается речью матроса. Чересчур хватает».

Крюков М. Ф.: «Согласен я с Шишковым. А рассказы так себе, легонькие и веселенькие».

Зубкова В. Ф.: «Много наврано. В рассказе «Радио – сатана» старик не должен давиться. Раз он шибко религиозный, то из-за радио не полезет в петлю. Старик знает, что удавленники в царство небесное не попадут, так неужели же он будет сам себя доводить до ада из-за радио? Он – верующий. Так не поступит».

Блинова Т. П.: «Никак не может быть, чтобы мужик бабьим гарнизатором был и по-

бабьи наряжался бы. Сроду энту не живет».

Стекачев М. Т.: «Штукатур Савоська – чистый дурак. Не может быть, чтобы он два дня с ведром с известкой ходил по городу бабу искать».

Стекачев Т. В.: «Кто его знает? Ровно и смешно, но местами не веришь ему».

Сашин Ф. М.: «Может быть так, что мужик на жену сядет, как у него тут. Под соломой она была. Потеха! «Сад» – правильный рассказ. С явности взято».

Титова А. И.: «Определить не могу. Есть правильно написано, есть и хлопня. Уж дюже жены гнались за солдатами. Не похоже на практику».

Бочаров Ф. З.: «Поглядела бы ты, сколько их перло за чехами при Колчаке».

Титов П. И.: «Совершенно верно про баб описано. Их в Волгу много во время войны побросали или под откос. Вязались шибко к военным мужикам. Кака мошкара!»

Шитиков Д. С.: «Дык, ведь она, женщина-то, хуже всякой скотины привязывается к человеку».

Стекачева П. Ф.: «Брехня, что на городской улице матрос всех барышен в чулочках тыкал под бок. «Настюха» – тоже брехня. Это сказка какая-то. Титьки нельзя наложить мужику, чтоб не узнали».

Крюков А. И.: «Может быть. Я – самовидец. Постигнет несчастье, дак и мужик будет наряжаться по-бабьи, чтобы выкрыться».

Носов М. А.: «Все возможное тут представлено. Только как-то не тае...».

Блинов И. Е.: «Половина - наврано. Сам Шишков назвал рассказы «шутейными». Чего же от них серьезного требовать?»

Носова М. М.: «И верю, и нет».

Шитиков Д. С.: «Веретенкин загнут здорово!»

Корляков И. Ф.: «Себя не пойму: будто брехня написана, а слушаешь с удовольствием».

Крюкова И. А.: «Все рассказы какие-то разухабистые».

Стекачева Е. И.: «Все ораторы друг на друга похожи. Говорят слова задиристые. Как будто так и быть не может, чтобы одинаковые были люди...».

Зубков П. С.: «Тип дурака, который хочет говорить по-ученому, повторяется в нескольких рассказах».

Стекачева П. Ф.: «Все смех и смех тут. Смешное запало в голову».

Шитикова М. Т.: «Не так, как у Подъячева, завязает в голову».

Зубкова В. Ф.: «Смешное все, но пустое».

Джекайло Ф. Ф.: «Шумнуло мимо ушей – и все. Ничего в памяти нету».

Блинов Е. С.: «Так себе: середка на половине, а то и хуже. Сам я лично такого много видал, что написано здесь... Не пара Чехову и Гоголю. У тех и правда, и горе, и смехотовина».

Носов М. А.: «Надо обязательно эту книгу в деревню. Пошутить, покалякать об ней. Промежду разговоров когда-нибудь вспомнишь потешное словцо из этой книжки и украсишь речь».

Зубков П. С.: «Непременно надо. Моя жена стала разговаривать, разбираться. Прежде молчала. А теперь заговорила. О докладе на районном съезде даже рассказала мне».

Блинов Е. С.: «Для утехи нужна эта книга».

Титов П. И.: «Все неправдишное можно простить писателю за его хорошие побрякульки. От нечего делать можно почитать».

Носова М. М.: «Подхлестывает он тут многих дураков деревенских. Особенно разных «орателей». Пусть на себя они полюбуются».

Единогласное заключение слушателей

«Диво-дивное» – легкая, но веселая книжка, нужная крестьянству, чтобы отдохнуть и посмеяться. Вдумчивый человек увидит через нее и много смешных людей, и уродливых явлений нашей современной действительности... Из книги можно брать слова для украшения своей речи.

Примечание чтеца

В аудитории я не читал предисловия Вячеслава Шишкова к его сборнику «Диво-

дивное». Крестьянам не был известен взгляд автора на его рассказы как на легкие шутки, шаржи, анекдоты. Но и без прочтения предисловия мои слушатели не промахнулись в определении характера рассказов из «Дива-дивного». Это определение точь-в-точь совпадает с авторским...

В шутейных рассказах Вячеслава Шишкова осколки нашей действительности причудливо, виртуозно и безобидно искажены в кривом зеркале фантазии автора. Вот почему эти рассказы только веселят. Деревня принимает их лишь для того, чтобы отдохнуть над ними, потешиться на досуге. Большинство моих слушателей поняло, что к шутейным рассказам нельзя подходить с серьезной меркой, ибо в них зерно правды засыпано порохом фантастических вымыслов.

Немалая часть аудитории дала «Диву-дивному» и непохвальные оценки, главным образом, за чрезмерную фальшь многих изобразительных мелочей в рассказах. Коммунары не терпят выпирающего неправдоподобия в реалистических произведениях. «Пурсоньяк» Мольера, «Женитьба» Гоголя, «Беззаконие» Чехова и т. п. произведения кажутся комическими преувеличениями, однако никто из моих слушателей не усомнился в их жизненной верности.

Разногласица в отзывах коммунаров о «Диве-дивном» получилась еще и потому, что весь сборник расценивался у нас заочно. А в нем содержится всякого жита по лопате – правда и беспардонная выдумка. Последняя давала крестьянам повод для недовольства. Но противники необузданной фантазии Шишкова охотно прощают ему этот грех за бесподобную ясность и легкость языка, за бодрящий смех шутейных рассказов.

Адриан ТОПОРОВ.